

УДК 821.111(73)

ХАРАКТЕРНЫЕ МОТИВЫ И БИОГРАФИЯ АВТОРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЭДГАРА АЛАНА ПО

А.А. МАРДАНОВ

(Полоцкий государственный университет)

Рассматривается художественное своеобразие текстов Э. А. По, на примере которых демонстрируется самобытность авторских произведений, зависимость их содержания от биографии автора, взаимосвязь текстов одного автора, присутствие во всех произведениях Э. По типичных мотивов, навязчивых идей, персонажей, их действий и отношений между ними. Речь пойдёт о таких свойственных Э. По мотивах, как мотив смерти (часто насильственной и преждевременной), мотив тени (как знак смерти или её состояние), страх перед погребением (особенно – заживо), образ Виргинии Клемм (воспетой под разными именами), невозможность вновь увидеть умерших, и о том, что произведения Э. По обильно насыщены фактами из личного жизненного опыта, которые помогают при интерпретации смыслов его произведений.

Введение. В художественных произведениях отражается творческая личность их создателя, раскрываются особенности его мировоззрения, мироощущения, эпизоды его биографии, поскольку творчество, как писал Н.М. Карамзин, «портретно, субъективно» [1, с. 132]. Основой его является уникальный жизненный опыт писателя. То, что не присутствует в личном или духовном опыте автора, написано быть не может, а от того, что в нём есть, невозможно полностью абстрагироваться. Текст произведения не может быть внешним по отношению к субъекту, его написавшему. Поэтому тексты одного автора неповторимы, самобытны и отличаются от текстов другого. Как говорил А.А. Бестужев-Марлинский, «книга и сочинитель – одно и то же лицо, только в разных переплётках» [2, с. 152]. Все события, произошедшие в жизни автора, находят отражение в его текстах в разной степени узнаваемости даже для самого автора.

Жизненный опыт индивида формирует сферу его интересов не только как человека, но и как автора художественных произведений. Биография обуславливает содержание, характерные мотивы, образы, конфликт, персонажей, их окружение и действия в произведениях автора. Постоянная тематика произведений некоторых авторов связана с тем, что больше всего волнует, впечатляет их в жизни, что им ближе всего. М.О. Исаковский писал, что каждый автор имеет «свой особый круг тем, ... которые он знает и понимает лучше всего остального, которые он любит больше, чем какие-либо другие, с которыми он связан крепче всего. [...] Этот круг зависит от того, где и как жил и рос поэт, как он воспитывался, что он делал, чем интересовался, что видел в жизни и т.п.» [3, с. 16].

Основная часть. На творчество Эдгара Алана По повлияли кладбищенские истории, которые ему рассказывала его няня-негритянка, душевное расстройство после черепно-мозговой травмы, алкоголизм, ранняя смерть его родителей и жены, невозможность её увидеть ещё раз. Содержание его произведений в большой степени опосредовано навязчивой мыслью о смерти и её ожиданием. Одной из причин тому могла быть болезнь сердца, которой он страдал всю жизнь, соответственно, он всегда осознавал, что не проживёт долго.

В каждом произведении автора присутствует либо прямое упоминание смерти, либо обращение к образу «тени» как синониму смерти или как к её неизменному предвестнику. Например, в стихотворении «Город среди моря» [City in the Sea] он писал: «Так тени с куполом слились, // Что тот как в воздухе повис. // Но башня высится, пряма, // А с башни смотрит Смерть сама!»¹ [4]. Поэзия и проза Эдгара По пропитана пессимизмом и безнадёжностью, безысходностью перед смертью и её неизбежным приходом. В рассказе «Сердце-обличитель» [A Tell-Late Heart] он писал о предваряющем убийство моменте, что смерть со своей чёрной тенью приблизилась к жертве и окутала её. В сонете «Молчание» [The Silence] автор указывает на смерть следующим образом: «Но если тень молчанья вдруг предстала / И душу в те пределы увела, / Куда нога людская не ступала – / Доверься господу! Пора пришла»² [4]. В стихотворении «Эльдорадо» [Eldorado] он писал, что рыцарь, искавший этот край, состарился, и когда силы его окончательно покинули, пред ним появилась тень-пилигрим, которую он спросил относительно местонахождения Эльдорадо, на что она ответила ему, что оно в Долине Теней.

¹ Beneath the sky the melancholy waters lie / While from a proud tower in the town / Death looks giganticly down.

² «But should some urgent fate (untimely lot!) / Bring thee to meet his shadow (nameless elf, / That haunteth the lone regions where hath trod / No foot of man), commend thyself to God!»

Если какой-то персонаж находится при смерти, для Э. По более характерно использование метафоры, вроде «быть заключённым в строгие объятия Тени», вместо прямого сообщения о предстоящей смерти. В рассказе «Тень» [Shadow – a Parable], он обнаруживает свою тревожность и всепоглощающий страх перед смертью и говорит: «вы, читающие, находитесь еще в числе живых; но я, пишущий, к этому времени давно уйду в край теней»³ [5]. Персонаж спрашивает тень о её имени и месте обитания, на что она ему отвечает: «Я – ТЕНЬ, и обиталище мое вблизи от птолемеевских катакомб, рядом со смутными равнинами Элизима, сопредельными мерзостному Харонову проливу», т.е. она фактически называет себя смертью. А в рассказе «Лигейя» [Ligeia], в которой Эдгар По также описывает предсмертные часы персонажа, он написал: «Я ощутил, как нечто невидимое, но осязаемое провело близ меня, и увидел, что на ... ковер, в самой середине яркого светового круга, отброшенного светильником, легла тень – неясная, зыбкая тень, чьи очертания подобны очертаниям ангела – ее можно было счесть тенью тени»⁴ [6].

Содержание его произведений часто, по всей вероятности, опосредовано паранойей и галлюцинациями. В рассказе «Вильям Вильсон» [William Wilson] он раскрывает свой постоянный страх: «приближается смерть, и тень ее, неизменная ее предвестница, уже пала на меня»⁵ [6], а в рассказе «Элеонора» [Eleonore] он писал: «чувствую, как тени окутывают мой мозг, и не доверяю своему разуму и памяти»⁶ [5]. К образу тени Э. По обращался не только в своих произведениях, но и в корреспонденции. Так, в письме к сестре Энни он писал: «мне казалось, что Смерть приближалась ко мне... и что я был вовлечен в тень, которая шла перед ней» [7]. В письме к писательнице Саре Елене Уитман он говорил: «если бы не странная тень подходящего зла, которое привидением встает во мне, я был бы счастлив» [7]. Эдгар По часто находился в состоянии депрессии, плохом физическом состоянии, жил в нищете, был постоянно в долгах. Его не покидало чувство тревоги.

Кроме страха перед смертью произведения автора обнаруживают страх перед захоронением живого, на основе которого появился рассказ «Преждевременные похороны». Этот мотив присутствует также и в рассказах «Бочонок Амонтильядо» [The Cask of Amontillado], в котором человека замуровали живьём, и «Разговор с мумией» [Some Words with a Mummy]. В последнем человек, ставший мумией, сообщает, что он впал в каталептический сон, но окружающие решили, что он умер, и его забальзамировали. В рассказе «Беседа Моноса и Уны» [The Colloquy of Monos and Una] По описывает подробности, на которых помешан, и которые вызывают у него наибольшее беспокойство. В нём он писал: «когда настал следующий полдень, я как-то еще сознавал то, что разлучило тебя со мною, что замкнуло меня в гробу, что поместило меня на катафалк, что доставило меня к могиле, что опустило меня в могилу, что засыпало меня тяжелой землею и так оставило меня среди черноты и гниения для сурового и скорбного сна с червями»⁷ [8]. В нескольких новеллах автор использовал термин «Червь-Победитель», встреча с которым – неизбежная участь каждого человека. Существует также и одноимённый рассказ «The Conqueror Worm».

Биография Э. По часто является строительным материалом его произведений. Ф. Маринетти говорил, что «человек не способен абстрагироваться от себя. Автор невольно заражает вещи своей молодой радостью или старческой тоской» [9, с. 166]. Кроме ожидания своей смерти, По «заражал» свои стихи ожиданием смерти Виргинии Клемм, его молодой жены. Он был крайне озабочен её физическим состоянием, и многие стихи и рассказы являются исключительно выражением его опасений за её жизнь и говорят об её обречённости. В стихотворении «Спящая» [The Sleeper] он писал: «Безмолвна ночь... в кругу теней / Толпятся тени все тесней! / О Небо! будь защитой ей! / Вы, злые чары, мчитесь мимо! / [...] / Ты спишь, любовь!.. в кругу теней / Тот сон все глубже и темней! / Как будто Рок дохнул над ней! / И чудится: за тьмой укрыт, / Червь, извиваясь, к ней скользит»⁸ [4].

Она страдала наследственным туберкулёзом. У неё несколько раз шла кровь изо рта. Такое положение давало повод для беспокойства и, естественно, отражалось в творчестве автора. В стихотворении

³ Ye who read are still among the living; but I who write shall have long since gone my way into the region of shadows.

⁴ I had felt that some palpable although invisible object had passed lightly by my person; and I saw that there lay upon the golden carpet, in the very middle of the rich lustre thrown from the censer, a shadow – a faint, indefinite shadow of angelic aspect – such as might be fancied for the shadow of a shade.

⁵ Death approaches; and the shadow which foreruns him has thrown a softening influence over my spirit.

⁶ I feel that a shadow gathers over my brain, and I mistrust the perfect sanity of the record.

⁷ I still dully felt that you sat by my side. So, too, when the noon of the second day came, I was not unconscious of those movements which displaced you from my side, which confined me within the coffin, which deposited me within the hearse, which bore me to the grave, which lowered me within it, which heaped heavily the mould upon me, and which thus left me, in blackness and corruption, to my sad and solemn slumbers with the worm.

⁸ That, o'er the floor and down the wall, / Like ghosts the shadows rise and fall! / [...] The lady sleeps! Oh, may her sleep / Which is enduring, so be deep! / Heaven have her in its sacred keep! / [...] I pray to God that she may lie / For ever with unopened eye, / While the dim sheeted ghosts go by! / My love, she sleeps! Oh, may her sleep, / As it is lasting, so be deep; / Soft may the worms about her creep!

«Спящая», которое, вероятно, появилось только ввиду болезни его жены, он описал предсмертный час Виргинии: «Любовь моя! Не верю я! / О конце твоего жилья / Распахнуто в ночную тьму, / И ветерки летят к нему, / [...] / А по полу и вдоль стены / Тревожны тени и темны! / Ты здесь впотьмах, а рядом страх!»⁹ [4]. Здесь ночная тьма символизирует смерть, а ветерки, летящие в эту тень, – постепенно уходящую жизнь.

Эдгар По воспел Виргинию под разными именами (Эннабел Ли, Евлалия, Линор, Элеонора, Лигейя, Юлалюм). В рассказе «Лигейя», появившемся исключительно из-за смерти Виргинии, присутствует автобиографическое повествование о том, как она умирала: «Лигейю поразила недуг. Безумный взор сверкал слишком... ярко; бледные персты стали сквозить могильною прозрачностью; и голубые жилки на высоком челе вздувались и опали при малейшем волнении. Я увидел, что она должна умереть, – и душа моя вступила в отчаянную борьбу с угрюмым Азраилом. И моя пылкая жена боролась, к моему изумлению, еще более напряженно, нежели я сам. [...] Слова бессильны передать сколько-нибудь верное представление о том, как ожесточенно сопротивлялась она Тени. Я стонал при этом горестном зрелище. [...] Но до самого последнего мига, когда ее иступленный дух дошел до предела мук, наружная безмятежность ее облика пребывала неизменной»¹⁰ [5].

После того как у Виргинии первый раз хлынула кровь изо рта во время пения, она постепенно выздоровела, и тревога немного утихла. Однако позже случилось то же самое, и её состояние стало намного хуже, что Эдгар По отразил далее в этом же рассказе: «постепенно стала она поправляться – и наконец выздоровела. Но прошло совсем немного времени, и второй приступ, гораздо более жестокий, вновь поверг ее на ложе страданий»¹¹ [5]. В рассказе «Элеонора» также присутствует фрагмент из опыта автора, описывающий смерть его жены.

Виргиния Клемм была очень молода во время свадьбы. Когда они поженились ей было тринадцать лет, о чём По упоминает в стихотворении «Эннабел Ли» [Annabel Lee], посвящённом жене. Он говорит: «Я был дитя и она дитя»¹² (перевод В. Рогова) [4]. В стихотворении «Евлалия» [Eulalia], прототипом главного персонажа которого также является Виргиния, автор писал: «...Евлалия, нежная, юная, стала супругою мне»¹³ [5], а в рассказе «Элеонора» По писал от имени главного героя об отношениях с девушкой следующее: они полюбили друг друга «на исходе третьего пятилетия ее жизни и четвертого пятилетия – моей»¹⁴ [5], что также соответствует действительности автора.

После смерти Виргинии состояние Эдгара По граничило с умопомешательством, депрессия усилилась. Стихотворение «Ворон» [The Raven], в котором часто упоминается Линор, т.е. Виргиния, также, вероятно, написано под влиянием ее смерти. Персонаж спрашивает ворона, увидит ли он когда-нибудь Линор, которая в раю, т.е. Виргинию, на что ворон отвечает: «Больше никогда»¹⁵. [4]. Он знал, что скоро умрёт, поэтому в стихотворении речь идёт не только о смерти Виргинии, но и его собственной, когда он в конце говорит: «Свет от лампы вниз струится, тень от ворона ложится, / И в тени зловещей птицы суждено душе тонуть... / Никогда из мрака душу, осужденную тонуть, / Не вернуть, о, не вернуть!»¹⁶ (перевод В. Бетаки) [4].

Новелла «Свидание» [The Assigination], эпиграфом к которой является эпитафия на смерть жены одного человека, начинается со слов, раскрывающих навязчивое желание увидеть умершую Виргинию: «Злосчастный и загадочный человек! – ...падший в пламени своей юности! Вновь в мечтах моих я вижу тебя! Вновь твой облик возникает передо мною! не таким – ах! – каков ты ныне, в долине хлада и тени, но таким, каким ты *должен был быть* – расточая жизнь на роскошные размышления в граде неясных ви-

⁹ Oh, lady bright! can it be right – / This window open to the night! / The wanton airs, from the tree-top, / Laughingly through the lattice-drop – / The bodiless airs, a wizard rout, / Flit through thy chamber in and out, / [...] ...o'er the floor and down the wall, / Like ghosts the shadows rise and fall! / Oh, lady dear, hast thou no fear?

¹⁰ Ligeia grew ill. The wild eyes blazed with a ...too glorious effulgence; the pale fingers became of the transparent waxen hue of the grave, and the blue veins upon the lofty forehead swelled and sank impetuously with the tides of the most gentle emotion. I saw that she must die – and I struggled desperately in spirit with the grim Azrael. And the struggles of the passionate wife were, to my astonishment, even more energetic than my own. [...] Words are impotent to convey any just idea of the fierceness of resistance with which she wrestled with the Shadow. I groaned in anguish at the pitiable spectacle. [...] Yet not until the last instance, amid the most convulsive writhings of her fierce spirit, was shaken by the external placidity of her demeanor.

¹¹ She became at length convalescent – finally well. Yet but a brief period elapsed, ere a second more violent disorder again threw her upon a bed of suffering...

¹² I was a child and she was a child,

¹³ Till the fair and gentle Eulalie became my blushing bride – Till the yellow-haired young Eulalie became my smiling bride.

¹⁴ It was one evening at the close of the third lustrum of her life, and of the fourth of my own,

¹⁵ Nevermore

¹⁶ And the lamp-light o'er him streaming throws his shadow on the floor; / And my soul from out that shadow that lies floating on the floor / Shall be lifted – nevermore!

дений...»¹⁷ [10, с. 3]. Здесь автор не просто выдумывает некую женщину и размышления некоего персонажа о ней, а переносит личные страдания, связанные со смертью жены, на бумагу. Он переживает, что она умерла молодой и сейчас, вместо того чтобы наслаждаться жизнью, она находится во власти воспетой им Тени. В стихотворении «Линор» [Lenore] он высказывает те же самые сожаления: «Для царственной, что умерла такую молодой, / Что в гроб легла вдвойне мертва, / когда умерла молодой!»¹⁸, далее в этом стихотворении он говорит: «Безвременно погибшую оплакивать Линор, / Глядеть в огонь этих жёлтых кос и в этот мёртвый взор»¹⁹ [4].

Сожаление о том, что он никогда больше не увидит Виргинию, заставило его написать стихотворение «Той, которая в раю» [To One in Heaven], в котором он говорит: «Вновь не зажжется надо мной / Любви моей звезда. / “Нет, никогда – нет, никогда” / [...] / Не взмоет ввысь орел больной / И ветвь, разбитая грозой, / Вовек не даст плода!»²⁰ (перевод В. Рогова) [4]. Здесь присутствует явная параллель со стихотворением «Ворон». В «Сонете к острову Занте» [To Zante] По также писал: «Вовек не встретит мне усопшей девы»²¹ (перевод В. Рогова) [11].

Несмотря на глубокую скорбь, после смерти жены он через некоторое время обручился с Эльмирой Ройстер, женщиной, которую он любил и с которой успел расстаться до встречи с Виргинией Клемм. Вероятно, чтобы оправдать эту помолвку, он в рассказе «Элеонора» писал о том, как голос Элеоноры после её смерти говорил ему: «отдав свое сердце той, кого зовешь Эрменгардой, ты получишь отпущение – почему, узнаешь на небесах – от клятвы, данной Элеоноре»²² [5]. Таким образом, Элеонора, т.е. Виргиния, будто бы благословила его помолвку с Эрменгардой, т.е. Эльмирой, и тем самым сняла чувство вины с Эдгара По.

Кроме таких произведений, как «Спящая», «Той, которая в раю», «Линор», «Эннабел Ли», «Евлялия», «Юлалом» [Ulalum], «Свидание», которые исключительно автобиографические и не появились бы вообще, если бы в жизни Эдгара По не было Виргинии Клемм, в произведениях автора часто встречаются другие автобиографические факты. Например в рассказе «Элеонора» он говорит: «жили мы совсем одни, не зная ничего о внешнем мире, – я, моя кузина и мать её»²³ [5], что соответствует действительности Эдгара По: сначала они жили вчетвером, но после смерти его кузена от чахотки, они остались втроём, как он указал в рассказе.

В рассказе «Три воскресенья на одной неделе» [Three Sundays in a Week] в качестве прообраза для отца возлюбленной он выбрал своего приёмного отца Джона Алана, который был чрезвычайно богат и скуп, и не хотел иметь ничего общего с Эдгаром, когда тот стал взрослым. Несмотря на многочисленные просьбы Эдгара помочь ему освободиться от долгов и выбраться из нищеты, он получал холодные отказы. Даже в завещании Джон Алан не упомянул ни слова о своём приёмном сыне. Таким образом, в рассказе отец девушки, на которой хотел жениться главный герой, «все посягательства на свой кошелек... встречал в штыки»²⁴ [12], как и Джон Алан.

Ссылка на свою литературную жизнь существует в рассказе «Литературная жизнь Какваса Тама» [The Literary life of Thingum Bob, Esq.], в котором автор повествует о трудной жизни писателя, который решил заниматься литературой профессионально, как и он сам. Э. По часто получал отказы от издательств на печать его произведений и поэтому был постоянно беден. Тем не менее он писал усердно и самоотверженно, что и описывал в рассказе: «Посмотрите на меня!.. Как я работал... как я трудился... как я писал! О боги, разве я не писал! Я не знал, что такое досуг. Днём я сидел за столом, наступала ночь, и я – несчастный труженик – зажигал полуночную лампаду. Надо было видеть меня. Я наклонялся вправо. Я наклонялся влево. Я сидел прямо. Я откидывался на спинку кресла. Я сидел... склонив голову к белой, как алебастр, странице. И во всех положениях я... писал. И в горе, и в радости я... писал. И в холоде, и в голоде я... писал. И в солнечный день, и в дождливый день, и в лунную ночь, и в темную ночь я... писал» [13].

¹⁷ Ill-fated and mysterious man! – bewildered in the brilliancy of thine own and fallen in the flames of thine own youth! Again in fancy I behold thee! Once more thy form hath risen before me! – not – oh not as thou art – in the cold valley and shadow – but as thou shouldst be – squandering away a life of magnificent meditation in that city of dim visions...

¹⁸ An anthem for the queenliest dead that ever died so young – A dirge for her, the doubly dead in that she died so young.

¹⁹ The life upon her yellow hair but not within her eyes – The life still there, upon her hair – the death upon her eyes.

²⁰ For, alas! alas! with me / the light of Life is o'er! / «No more – no more – no more» / [...] Shall bloom the thunder-blasted tree, / Or the stricken eagle soar!

²¹ How many visions of a maiden that is / No more – no more upon thy verdant slopes!

²² ...in taking to thy passionate heart her who is Ermengarde, thou art absolved, for reasons which shall be made known to thee in Heaven, of thy vows unto Eleonora.

²³ ...we lived all alone, knowing nothing of the world without the valley – I, and my cousin, and her mother.

²⁴ Against all attacks upon his purse he made the most sturdy defence.

В «Рукописи, найденной в бутылке» Эдгар По сообщил о мнении критиков о его творчестве: «меня часто упрекали в сухой рассудочности, недостаток фантазии вменялся мне в вину как некое преступление» [14].

Таким образом, как сказал Жан-Поль Сартр, «всякое произведение искусства – это лишь листок, оторвавшийся от чьей-либо жизни» [9, с. 97].

Пристрастие к алкоголю, игре в карты, из-за которой он был постоянно в долгах, и распутный образ жизни, за который его выгнали из университета, также раскрываются в произведениях Э. По. Например, рассказ «Вильям Вильсон», в котором он использовал некоторые факты из своей бурной студенческой жизни, появился исключительно благодаря его опыту пребывания в университете. Он писал: «я не желаю... описывать шаг за шагом прискорбное распутство, предаваясь которому мы бросали вызов всем законам и ускользали от строгого ока нашего колледжа. Три года безрассудств протекли без пользы, у меня лишь укоренились порочные привычки, ... и вот однажды после недели бесшабашного разгула я пригласил к себе на тайную пирушку небольшую компанию самых беспутных своих приятелей. Мы собрались поздним вечером, ибо так уж у нас было заведено, чтобы попойки затягивались до утра. Вино лилось рекой, и в других, быть может более опасных, соблазнах тоже не было недостатка; так что, когда на востоке стал пробиваться хмурый рассвет, сумасбродная наша попойка была еще в самом разгаре»²⁵ [6].

Будучи студентом, он растранижил на карты, алкоголь и дорогие наряды деньги своего приёмного отца, который пока был к нему благосклонен. В рассказе «Вильям Вильсон» По добавил эту страницу из своей биографии: «я мог грешить, не зная удержу, необузданно предаваться пороку, и пылкий нрав мой выиграл с удвоенной силой, – с презрением отбросив все приличия, я кинулся в омут разгула. [...] ...Я всех превзошел в мотовстве и изобрел множество новых безумств... Я пал столь низко, что свел знакомство с профессиональными игроками, перенял у них самые наиподлейшие приёмы»²⁶ [6]. На примере данного персонажа видно, что, как писал основоположник биографического метода в литературоведении Сент-Бёв, художник «не создаёт ни одного портрета, в котором не отражался бы он сам; под тем предлогом будто он рисует кого-то другого, он всякий раз набрасывает свой собственный профиль» [15, с. 51]. Постоянные долги, так называемые «долги чести», говорят о сильном пристрастии По к картам. В «Вильяме Вильсоне» автор подробно описывал типичную одежду, голос, выражение лица и глаз шулеров, их хитрости и ловкость рук. Вильсона выгнали из университета и из дома, равно как и самого автора, которого исключили из университета, а его приёмный отец прогнал его и отказал ему в покровительстве.

За пьянство Эдгара По однажды арестовали и прогнали с должности редактора журнала. Он осознавал, что его пристрастие к спиртному к добру не приведёт, поэтому иногда он пытался бороться с алкоголизмом. В «Вильяме Вильсоне» он говорил: «в последние дни я всецело предался вину; оно будоражило мой и без того беспокойный нрав, и я всё нетерпеливей стремился вырваться из оков»²⁷ [6]. Ощущая на самом себе пагубное влияние алкоголя, в рассказе «Чёрный кот» [The black Cat] он писал: «нет болезни ужаснее пристрастия к Алкоголю!»²⁸ [16, с. 216].

Таким образом, у Э. По происходило «...перетекание материала из жизни ...в произведение» [17, с. 345]. Именно биография и переживания Эдгара По создавали основной материал творчества. К. Паустовский говорил: «золотой запас писателя – это запас его мыслей и наблюдений над жизнью. Иными словами, это его биография» [18, с. 156]. В произведениях Э.А. По отражаются его индивидуально-личностные качества, его черты характера, мироощущение, мировоззрение, патологии, психологические травмы, эпизоды из жизни. По мнению Ю.Б. Борева, текст «запечатлевает жизненный опыт автора, сама личность которого входит в строительный материал художественного образа. Биография литератора... отражается в его творчестве и определяет... особенности его произведений» [19, с. 46].

²⁵ I do not wish, however, to trace the course of my miserable profligacy here – a profligacy which set at defiance the laws, while it eluded the vigilance of the institution. Three years of folly, passed without profit, had but given me rooted habits of vice, and added, in a somewhat unusual degree, to my bodily stature, when, after a week of soulless dissipation, I invited a small party of the most dissolute students to a secret carousal in my chambers. We met at a late hour of the night; for our debaucheries were to be faithfully protracted until morning. The wine flowed freely, and there were not wanting other and perhaps more dangerous seductions; so that the gray dawn had already faintly appeared in the east, while our delirious extravagance was at its height.

²⁶ Excited by such appliances to vice, my constitutional temperament broke forth with redoubled ardor, and I spurned even the common restraints of decency in the mad infatuation of my revels. [...] ...Among spendthrifts I out-Heroded Herod, and that, giving name to a multitude of novel follies. ...I had, even here, so utterly fallen from the gentlemanly estate, as to seek acquaintance with the vilest arts of the gambler by profession, and, having become an adept in his despicable science...

²⁷ ...of late days, I had given myself up entirely to wine; and its maddening influence upon my hereditary temper rendered me more and more impatient of control.

²⁸ ...what disease is like alcohol?

Заключение. Какими бы разнообразными ни казались произведения одного автора, они имеют очень много общего по форме, стилю и содержанию, поскольку они проникнуты его субъективностью, так как они прошли сквозь призму его мирозерцания. А в случае с Э.А. По личность и биография автора являются дополнительными и необходимыми источниками значений его произведений. Поскольку, как утверждал Сент-Бёв, «...творчески результативен подход, превращающий факты жизненного пути писателя в ключ интерпретации его произведений» [15, с. 46 – 47]. Так как литературное произведение является порождением личности, оно неразрывно связано с опытом, врождёнными и приобретёнными характеристиками субъекта письма. Литературное произведение – это продолжение автора, нечто вырастающее из него и, соответственно, имеющее идентичные характеристики, ту же сущность, то же содержание, что и автор, его создавший. По этому поводу Сент-Бёв писал: «литература, литературное творение неотличимы, ... неотделимы... от всего остального в человеке, от его натуры; ...каково дерево, таковы и плоды» [15, с. 40].

Произведения Э. По можно сразу узнать по таким типичным для него мотивам, как мотив смерти (часто насильственной и преждевременной), мотив тени (как знак смерти или её состояние), страх перед погребением (особенно заживо), невозможность увидеть умерших; по фактам из его биографии, обильно присутствующим в его текстах; по характерному для него интеллектуальному стилю с использованием непростых слов; по мрачному готическому окружению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов, В.В. О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1959. – 656 с.
2. Виноградов, В.В. О теории художественной речи / В.В. Виноградов. – М.: Высш. шк., 1971. – 240 с.
3. Исаковский, М. О поэтах, о стихах, о песнях / М. Исаковский. – М.: Сов. писатель, 1968. – 488 с.
4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/INOFANT/POE/poe_poems.txt
5. <http://artefact.lib.ru/library/poe.htm>
6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gramotey.com/books/411195200419.12.htm>
7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://thelib.ru/books/gelliko_pol/pisma-read.html
8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bookea.ru/txt/book/fantastic/gelliko_pol/beseda_monosa_i_uni.rtf
9. Называть вещи своими именами: Программа выступл. мастеров запад.-европ. лит. XX в. / сост., предисл., общ. ред. Л.Г. Андреева. – М.: Прогресс, 1986. – 640 с.
10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://x.rosinstrument.com/cgi-bin/showtext.pl/Literature /american/ /1800-1899/poe-assignment-667.txt-ps100-pn1>
11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.morganaswelt.ru/poe_verse170.html
12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://soft.rosinstrument.com/cgi-bin/st/Literature/american/ /1800-1899/poe-three-710.txt?fp=9> –
13. http://www.webeye.ge/book_files/Literature/Edgar%20Allan%20Poe/The%20works%20of%20Edgar%20Allan%20Poe/The%20Works%20Of%20E_A_%20Poe%20vol_4.htm
14. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.webeye.ge/book_files/Literature/Edgar%20Allan%20Poe/The%20works%20of%20Edgar%20Allan%20Poe/The%20Works%20Of%20E_A_%20Poe%20vol_1.htm
15. Зарубежная эстетика и теория литературы XIX – XX вв. Трактаты, статьи, эссе. / под ред. Г.К. Косикова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 512 с.
16. По, Э. Новеллы / Э. По. – Минск: Изд-во БГУ, 1980. – 320 с.
17. Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М.: Наследие, 1994. – 512 с.
18. О писательском труде: сб. ст. и выступл. сов. писателей / под ред. Н. Ждановского. – М.: Сов. писатель, 1953. – 372 с.
19. Методология современного литературоведения. Проблемы Историзма / под ред. Ю.Б. Борева. – М.: Наука. – 368 с.

Поступила 25.03.2008